ОТКРЫТІЕ ПАМЯТНИКА НА БОРОДИНСКОМЪ ПОЛѢ

въ 1839 г.

Изъ воспоминаній офицера генеральнаго штаба.

I.

У всякаго въ жизни бываютъ минуты и случаи, которые не изглаживаются изъ памяти. Подобное воспоминаніе сохранилось у меня послѣ бывшаго въ 1839 г. большого сбора войскъ при селѣ Бородинѣ, при открытіи воздвигнутаго тамъ монумента въ честь славной для русскаго оружія битвы въ 1812 году.

Всѣмъ извѣстно, что въ царствованіе императора Николая Павловича было нѣсколько подобныхъ сборовъ, а именно: при г. Калишѣ, Вознесенскѣ и, наконецъ, при с. Бородинѣ— самый значительный изъ всѣхъ какъ по количеству соединенныхъ войскъ, такъ и по патріотической цѣли, послужившей къ тому поводомъ. Мысль объ этомъ сборѣ занимала государя уже съ 1838 года. Здѣсь имѣлось въ виду не простое участіе войскъ въ маневрахъ и ученьяхъ, но увѣковѣченіе преданій о доблестныхъ подвигахъ русской арміи при защитѣ отечества противъ нашествія Наполеона. Сооруженный съ этой высокою цѣлью памятникъ надлежало открыть съ особою торжественностію и потому предположено было, кромѣ расположеннаго въ Москвѣ 6-го пѣх. корпуса, присоединить еще 2-й пѣхотный корпусъ изъ дѣйствующей арміи фельдмаршала князя Паскевича, составить особую сводную бригаду изъ войскъ гвардіи и гренадеръ, особую сводную дивизію изъ безсрочныхъ нижнихъ чиновъ различныхъ

частей арміи и, сверхъ того, привести весь 3-й резервный кавалерійскій корпусъ, 2-ю и 6-ю легкія кавалерійскія дивизіи, сводную дивизію изъ эскадроновъ гвардіи, 2-ю, 6-ю и 7-ю кавалерійскія дивизіи съ своднымъ кирасирскимъ полкомъ и 1-й конно-піонерный эскадронъ — всего въ составѣ до 120,000 чел.

Столь значительный сборъ, имѣющій продолжаться болѣе мѣсяца, требовалъ многихъ заблаговременныхъ распоряженій и въ нихъ, по роду службы моей, довелось мнѣ принять особое дѣятельное участіе. Состоя въ то время въ чинѣ подполковника генеральнаго штаба, я былъ назначенъ въ августѣ 1838 г. оберъ-квартирмейстеромъ 6-го пѣх. корпуса въ Москвѣ и едва успѣлъ прибыть къ мѣсту служенія, какъ совершенно неожиданно получилъ предписаніе военнаго министра немедленно отправиться въ село Бородино для подробнаго осмотра мѣстности и составленія проекта расположенія всѣхъ назначенныхъ къ сбору войскъ,—пѣхоту въ лагеряхъ, а кавалерію на тѣсныхъ квартирахъ. При этомъ вмѣнялось мнѣ въ обязанность избрать удобные пункты для госпиталей, сообразить какія необходимо будетъ произвести земляныя работы для лагерей, а также перестройки въ домахъ с. Бородина и, наконецъ, исчислить приблизительныя для сего издержки, стараясь о возможномъ ихъ сокращеніи.

Позднее время года заставило ускорить возложенныя на меня порученія, и въ первыхъ числахъ октября мѣсяца я возвратился уже въ Москву для приведенія въ порядокъ всѣхъ составленныхъ на мѣстѣ соображеній. Но не прошло нѣсколькихъ дней, какъ чрезъ особо присланнаго фельдъегеря, новымъ повелѣніемъ военнаго министра, вызванъ я былъ съ поспѣшностію въ Петербургъ для личнаго представленія всей порученной мнѣ работы. Въ то время не было еще желѣзной дороги и потому для ускоренія проѣзда приказано было фельдъегерю сопровождать меня, что дало мнѣ возможность не болѣе какъ въ 40 часовъ явиться въ Петербургъ къ князю Чернышеву.

Здѣсь долженъ я прежде всего упомянуть о тѣхъ лицахъ, которыя тогда стояли во главѣ военнаго управленія, въ качествѣ помощниковъ военнаго министра. Дежурнымъ генераломъ главнаго штаба былъ графъ Клейнмихель, пользовавшійся особымъ довѣріемъ государя и захватывавшій при всякомъ удобномъ слу-

чаѣ власть и дѣла, не принадлежавшія ему по праву. Генералъ-квартирмейстеромъ былъ генералъ Шубертъ, занимавшійся исключительно астрономіей и топографическими съемками, но вполнѣ равнодушный ко всему, что относилось до войскъ. Такимъ образомъ, случилось, что всѣ распоряженія по сбору войскъ подъ Бородинымъ очутились въ рукахъ графа Клейнмихеля и я лишенъ былъ даже возможности видѣть моего прямого начальника.

Въ кабинетѣ дежурнаго генерала и въ присутствіи его представлена была мною вся составленная работа князю Чернышеву и безъ всякаго измѣненія ими обоими одобрена, причемъ, однако же, военный министръ предварилъ меня, что за полное утвержденіе государемъ ручаться нельзя, что можетъ быть государь пожелаетъ сдѣлать нѣкоторыя перемѣны въ размѣщеніи войскъ и чтобы я, на всякій случай, приготовился на всѣ могущіе быть вопросы и замѣчанія.

— Завтра въ 7 часовъ утра, сказалъ онъ мнѣ, прошу васъ прибыть въ Царское Село для присутствованія при моемъ докладѣ государю.

Признаюсь, не безъ нѣкотораго опасенія ожидалъ я этой минуты, предвидя послѣ словъ военнаго министра, что въ случаѣ измѣненія проектовъ потребуются необходимыя съ моей стороны возраженія противъ указаній государя. Предчувствіе это частію оправдалось на дѣлѣ.

Войдя въ царскій кабинетъ Александровскаго дворца въ Царскомъ Селѣ, я былъ ободренъ милостивыми словами государя о службѣ моей въ Турціи и вслѣдъ засимъ получилъ приказаніе представить подробный топографическій планъ Бородинскаго поля съ окрестностями, на которомъ нанесены были всѣ избранные мною лагери для пѣхоты и квартирное расположеніе кавалеріи.

Быстро взглянувъ на планъ, государь прежде всего выразилъ желаніе знать общій ходъ сраженія 1812 г. Хотя и не думалъ я подвергаться экзамену изъ военной исторіи, но сохранившіеся въ памяти уроки военной школы выручили меня. Очертивъ вкратцѣ общее наступленіе наполеоновскихъ войскъ и занятую русскою арміею оборонительную позицію, прикрытую на-скоро воздвигнутыми полевыми укрѣпленіями, я едва успѣлъ разсказать защиту Шевардинскаго редута 24 августа, какъ былъ пре-

рванъ вопросомъ государя—гдѣ именно находилась и сражалась 26-я пѣхотная дивизія. Въ первую минуту мнѣ показалось страннымъ особое вниманіе государя къ этой дивизіи, но вспомнивъ, что начальникомъ ея въ 1812 г. былъ генералъ Паскевичъ, я поспѣшилъ отвѣтомъ и перешелъ ко всѣмъ подробностямъ упорнаго боя при оборонѣ люнета, извѣстнаго подъ названіемъ Раевскаго и на мѣстѣ котораго нынѣ воздвигнутъ самый памятникъ. Эта страница изъ отечественной исторіи, переданная мною болѣе яркими красками, заслужила мнѣ благоволеніе государя.

Начало хорошо, подумалъ я, но что будетъ далѣе.

Затѣмъ государь обратился уже къ собственной моей задачѣ. Разсматривая планъ съ расположеніемъ лагерей и, послѣ нѣкотораго молчанія взглянувъ на меня, его величество наконецъ сказалъ:

— „Можетъ быть эти лагери по мѣстности удобны, но признаюсь, что они мнѣ вовсе не нравятся".

Можно представить себѣ, какое впечатлѣніе произвели на меня эти слова. Я молчалъ, ожидая дальнѣйшихъ замѣчаній, и вмѣсто ихъ его величество взялъ со стола карандашъ и, проведя черту вдоль нагорнаго берега рѣки Москвы, рѣшительнымъ тономъ произнесъ:

— „Вотъ гдѣ я желаю имѣть общій главный лагерь".

Изучивъ мѣстность и зная съ какими затрудненіями сопряжено будетъ выполненіе этого указанія, я доложилъ государю, что весь нагорный берегъ рѣки Москвы, на протяженіи 8-ми верстъ отъ г. Можайска, изрѣзанъ очень глубокими оврагами, что устройство обширнаго лагеря на этой мѣстности потребуетъ значительныхъ работъ и сооруженія многихъ мостовъ, что повлечетъ за собой въ нѣсколько разъ болѣе издержекъ, чѣмъ предположено мною.

— „Издержки мое дѣло, сказалъ государь въ отвѣтъ, и я хочу знать, сколько войскъ можно помѣстить лагеремъ по рѣкѣ Москвѣ на указанномъ мною мѣстѣ. Садись, бери циркуль и карандашъ и разсчитай съ возможною точностію".

Но прежде, чѣмъ это исполнить, я позволилъ себѣ ко всѣмъ представленнымъ уже мною неудобствамъ присовокупить еще одно вѣсское возраженіе касательно крайняго мелководія рѣки Москвы и выразилъ опасеніе, что при мѣсячной стоянкѣ войскъ

лагеремъ вода въ рѣкѣ отъ мытья бѣлья и купанья людей и лошадей можетъ сдѣлаться не только негодной, но даже вредной для употребленія. Здѣсь, по строгому лицу государя, видѣлъ я, какъ всѣ противорѣчія были ему непріятны и на послѣднія слова мои о водѣ онъ почти съ гнѣвомъ произнесъ:

— „Ну, ужъ это сущій вздоръ!“ и, посмотрѣвъ на военнаго министра, ожидалъ его мнѣнія.

По счастію, князь Чернышевъ, молчавшій до сихъ поръ, вполнѣ раздѣлялъ справедливость моихъ доводовъ, но вмѣсто прямого отвѣта государю обратился ко мнѣ съ слѣдующими словами:

— Вы видите непремѣнное желаніе государя и какъ вамъ извѣстны всѣ мѣстныя условія, то должны сообразить, какими мѣрами можно отвратить всѣ исчисленныя вами затрудненія и неудобства.

Тогда, пользуясь позволеніемъ, я сѣлъ къ столу и разсчиталъ, что на указанномъ государемъ разстояніи, вдоль рѣки Москвы, можно расположить пѣхоту 2-хъ корпусовъ, но не иначе, какъ отдѣльными дивизіями, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже бригадами и полками, причемъ, однако же, я не преминулъ повторить невозможность оставить безъ вниманія мелководье рѣки.

— „Что же, наконецъ, нужно сдѣлать для отстраненія этого препятствія?“ сказалъ съ нетерпѣніемъ государь, но уже болѣе смягченнымъ голосомъ.

— Для выполненія воли вашего величества, отвѣтилъ я, не представляется другого средства, какъ откупить на все время сбора войскъ всѣ выше стоящія мельницы съ тѣмъ, чтобы спускомъ задержанной плотинами воды уравнять глубину рѣки на протяженіи лагерей.

— „Прекрасно, отозвался съ удовольствіемъ государь, все предложенное тобой утверждаю, исключая того, чтобы войска были размѣщены отдѣльными полками“.

Затѣмъ, разсмотрѣвъ расположеніе кавалеріи и одобривъ оное, государь, отпуская военнаго министра, прибавилъ:

— „Надѣюсь не позже какъ черезъ два дня имѣть на моемъ столѣ новый проектъ лагерей“.

Двѣ ночи пришлось посвятить этой усиленной работѣ, такъ какъ весь топографическій планъ должно было перекопировать вновь и только съ помощью всей чертежной департамента воен-

ныхъ поселеній, изъ 40 топографовъ и нѣсколькихъ офицеровъ, отданныхъ графомъ Клейнмихелемъ въ мое распоряженіе, могъ я исполнить ее въ столь короткій срокъ. За скорое представленіе проекта лагерей получилъ я особую высочайшую благодарность и тутъ же государь возложилъ лично на меня составленіе плана общаго парада войскъ въ день открытія памятника, а также боевыхъ порядковъ для сводной резервной дивизіи. Такимъ образомъ довелось мнѣ еще нѣсколько разъ быть вмѣстѣ съ военнымъ министромъ у государя, причемъ были окончательно рѣшены всѣ другіе вопросы по общему сбору войскъ при Бородинѣ. Для приведенія въ исполненіе всѣхъ многосложныхъ работъ и другихъ мѣропріятій, повелѣно государемъ образовать особую мѣстную коммисію, подъ предсѣдательствомъ особаго генерала, изъ нѣсколькихъ инженеровъ, гражданскаго чиновника при московскомъ генералъ-губернаторѣ и предводителей дворянства тѣхъ уѣздовъ, которые будутъ занимать войска. Членомъ этой коммисіи назначенъ и я.

Только съ наступленіемъ весны 1839 г. можно было приступить ко всѣмъ предположеннымъ работамъ и для ускоренія ихъ, къ концу апрѣля мѣсяца, приведена была къ Бородину одна изъ дивизій 2-го пѣх. корпуса. Чтобы дать понятіе о многосложности ихъ, достаточно сказать, что кромѣ земляныхъ работъ въ лагеряхъ на протяженіи 16-ти верстъ [1]) и около памятника для уравненія мѣстности потребовалось очистить и углубить до 700 колодцевъ въ селеніяхъ для кавалеріи, возвести особый временной госпиталь на 3 т. человѣкъ близъ города Можайска, перестроить главную часть домовъ въ с. Бородинѣ, устроить временныя помѣщенія для имѣющихъ прибыть къ торжеству въ числѣ болѣе 200 ветерановъ 1812 г. и, наконецъ, основать въ центрѣ расположенія войскъ съ крытыми лавками базаръ для подвоза необходимыхъ жизненныхъ потребностей. Здѣсь же былъ присоединенъ небольшой временной театръ.

Не смотря на краткость срока, всѣ эти разнородныя работы были успѣшно приведены коммисіей къ окончанію и въ послѣднихъ числахъ іюля начали постепенно прибывать изъ различныхъ

---

[1]) На рѣкѣ Москвѣ: 2-й и 6-й пѣх. корпуса и на рѣкѣ Колочѣ: сводная гвардейская бригада и сводная резервная дивизія. А. В.

мѣстностей войска, назначенныя къ сбору. Вмѣстѣ съ тѣмъ начался и пріѣздъ высшихъ лицъ, приглашенныхъ государемъ; во главѣ былъ, конечно, фельдмаршалъ князь Паскевичъ, котораго сопровождали начальникъ штаба дѣйствующей арміи князь Горчаковъ и генералъ-квартирмейстеръ Бергъ. Другіе знаменитые участники бородинскаго боя въ 1812 г. были генералы: Ермоловъ, графъ Толь, князь Воронцовъ, принцъ Евгеній Виртембергскій, князь Д. В. Голицынъ, князь А. И. Горчаковъ, князь Шаховской и нѣсколько другихъ лицъ, состоявшихъ въ менѣе высшихъ чинахъ [1]). Изъ иностранныхъ гостей были австрійскій эрцгерцогъ Альбертъ и два принца, прусскій и нидерландскій. Самъ государь прибылъ къ 16-му числу августа и не пожелалъ имѣть другого помѣщенія, какъ въ палаткѣ, на флангѣ преображенскаго баталіона, въ лагерѣ гвардейскаго отряда, во все время сбора войскъ. Сопутствовали государю военный министръ вмѣстѣ съ дежурнымъ генераломъ главнаго штаба.

Такъ какъ до дня открытія памятника оставалось еще болѣе недѣли, то послѣ объѣзда государемъ всѣхъ лагерей начались ежедневные смотры и упражненія войскъ на особо избранномъ и откупленномъ военномъ полѣ, между рѣками Москвой, Колочей и Войней. Всѣ приказанія шли отъ самаго государя и приводились въ исполненіе чрезъ князя Горчакова, назначеннаго начальникомъ штаба всѣхъ собранныхъ подъ Бородинымъ войскъ, при содѣйствіи генерала Берга въ качествѣ генералъ-квартирмейстера. Здѣсь были два эпизода, о которыхъ не могу не вспомнить. Всѣмъ военнымъ извѣстенъ суетливый характеръ этихъ обоихъ генераловъ; присутствіе государя ихъ особенно одушевляло и на всѣхъ линейныхъ ученьяхъ они оба летѣли во весь опоръ, при малѣйшемъ замѣчаніи или повелѣніи государя. На одной изъ такихъ скачекъ по изрѣзанной оврагами мѣстности лошадь князя Горчакова споткнулась со всѣхъ ногъ и причинила ему столь силь-

[1]) Кромѣ этихъ живыхъ очевидцевъ и сподвижниковъ Кутузова, государь, желая почтить память смертельно раненаго подъ Бородинымъ князя Багратіона, погребеннаго въ собственномъ его имѣніи, Владимірской губерніи, приказалъ заблаговременно перевезти останки его для преданія земли у подножія памятника. Этотъ святой долгъ исполнилъ бывшій его адъютантъ, извѣстный партизанъ Д. В. Давыдовъ, къ сожалѣнію, не дожившій до 26 августа 1839 года. А. В.

ный ушибъ, что въ теченіе нѣсколькихъ дней онъ вынужденъ былъ пролежать на походной кровати. Другой случай касается командира 6-го пѣх. корпуса, генералъ-адъютанта Нейдгарта. На одномъ изъ бывшихъ ученій, на сдѣланныя государемъ замѣчанія, Нейдгартъ началъ оправдывать свои дѣйствія, придавая особый вѣсъ собственному мнѣнію, яко бы основанному на военномъ опытѣ; государь замолкъ, но въ тотъ же день, въ разговорѣ съ приближенными лицами, смѣясь, замѣтилъ, что Нейдгартъ считаетъ себя не менѣе, какъ вторымъ Фридрихомъ.

— „Вы увидите, прибавилъ въ заключеніе государь, какъ на слѣдующемъ ученьи я собью съ него спѣсь и приведу въ тупикъ".

И дѣйствительно, въ назначенный день, едва успѣлъ корпусъ развернуться въ боевой порядокъ, какъ государь, оставаясь зрителемъ на сторонѣ непріятеля, присылаетъ сказать корпусному командиру, что сильная колонна угрожаетъ его правому флангу, а нѣсколько минутъ спустя подскакиваетъ другой посланный отъ государя съ извѣстіемъ, что непріятель появился противъ лѣваго фланга и, наконецъ, что онъ и съ тылу ведетъ на него нападеніе. Можно представить себѣ все смущеніе Нейдгарта и то смѣшеніе частей войскъ, которое неизбѣжно отъ того произошло. Тогда государь велѣлъ ударить отбой и, подозвавъ къ себѣ Нейдгарта, строго сказалъ:

— „Извольте, сударь, привести въ порядокъ вашъ разстроенный корпусъ и приготовить его къ церемоніальному маршу".

Съ этой минуты Нейдгартъ сдѣлался болѣе осторожнымъ.

II.

26-го августа 1839 г., день бородинскаго боя, послѣдовало торжественное открытіе памятника, при общемъ большомъ парадѣ всѣхъ собранныхъ войскъ. Утромъ, до начала парада, прочитанъ былъ войскамъ слѣдующій высочайшій приказъ:

„Ребята, передъ вами памятникъ, свидѣтельствующій о славныхъ подвигахъ вашихъ товарищей. Здѣсь, на этомъ самомъ мѣстѣ, за 27 лѣтъ передъ симъ, надменный врагъ возмечталъ побѣдить русское войско, стоявшее за вѣру, царя и отечество.

Богъ наказалъ безразсуднаго: отъ Москвы до Нѣмана разметены кости дерзкихъ пришельцовъ и мы вошли въ Парижъ.

„Теперь настало время воздать славу великому дѣлу. Итакъ, да будетъ память вѣчная безсмертному для насъ императору Александру I-му. Его твердою волею спасена Россія; вѣчная слава падшимъ геройскою смертію товарищамъ нашимъ и да послужитъ подвигъ ихъ примѣромъ намъ и позднѣйшему потомству. Вы же всегда будете надеждой и оплотомъ вашему государю и общей матери нашей Россіи".

Этотъ собственноручный приказъ произвелъ въ войскахъ большое одушевленіе. Къ 8-ми часамъ утра они стояли уже подъ ружьемъ, построенныя вокругъ памятника, пѣхота въ батальонныхъ, а кавалерія въ полковыхъ эскадронныхъ колоннахъ, въ ожиданіи крестнаго хода, двинувшагося изъ приходской церкви села Бородина. Умилительную картину представляло это шествіе духовенства съ иконами и хоругвями къ мѣсту памятника, окруженнаго войсками, между тѣмъ какъ у подножія его, собранные внутри рѣшетки, ветераны 1812 г. и высшія военныя лица, участвовавшія въ бородинскомъ боѣ, встрѣчали его, осѣняясь крестомъ. Государь, сойдя съ лошади, пропустилъ крестный ходъ и началось торжественное молебствіе съ колѣнопреклоненіемъ, которое совершалъ митрополитъ московскій Филаретъ. По возглашеніи вѣчной памяти императору Александру I и убитымъ на полѣ брани и затѣмъ многолѣтія всему храброму русскому войску, послѣдовало открытіе памятника при неумолкаемомъ ура и громѣ пушечныхъ выстрѣловъ всей артиллеріи. Торжество завершилось церемоніальнымъ маршемъ войскъ, во главѣ коихъ ѣхалъ самъ царь, отдавая шпагой честь воздвигнутому монументу.

Погода какъ нельзя болѣе благопріятствовала въ этотъ день; солнце яркимъ блескомъ освѣщало это истинно-патріотическое военное торжество, увѣковѣчившее въ позднемъ потомствѣ преданіе о кровавомъ, но славномъ для русскаго оружія боѣ, положившемъ начало гибели Наполеона.

29-го августа, вмѣсто большихъ манёвровъ, произведено было подобіе бородинскаго сраженія на той части боевой позиціи, гдѣ кипѣла наиболѣе упорная битва въ 1812 г. Для болѣе точнаго изображенія картины боя, еще наканунѣ собраны были жалонерныхъ частей войска съ офицерами генеральнаго штаба и самъ госу-

дарь, окруженный многочисленной свитой, лично указывалъ мѣста для размѣщенія войскъ, руководствуясь воспоминаніями князя Паскевича, Ермолова, графа Толя и князя Воронцова. Составленная подробная диспозиція указывала въ точности мѣсто и дѣйствія для каждой части войскъ и на основаніи ея 2-й пѣх. корпусъ съ 2-й кавал. дивизіей расположился на протяженіи отъ дер. Горка къ с. Бородину и той высотѣ, гдѣ нынѣ стоитъ памятникъ. 6-й пѣх. корпусъ, съ принадлежащей къ нему кавалерійской дивизіей, занималъ деревню Семеновскую, сохранившіяся еще укрѣпленія слѣва впереди этой деревни и часть лѣса на старой смоленской дорогѣ. Резервъ составляли: весь 3-й резервный кавалерійскій корпусъ, сводная гвардейская бригада и сводная резервная дивизія.

Первые выстрѣлы раздались въ с. Бородинѣ, которое вскорѣ было очищено и всѣ дѣйствія сосредоточены на защитѣ укрѣпленій. Послѣ сильнаго артиллерійскаго и ружейнаго огня и произведенныхъ кавалеріей атакъ въ промежуткахъ между укрѣпленіями, эти послѣднія были оставлены, равно какъ и дер. Семеновская и вся линія войскъ произвела отступленіе до тѣхъ мѣстъ, гдѣ къ вечеру въ дѣйствительномъ бородинскомъ сраженіи были отбиты упорныя нападенія маршаловъ Нея, Мюрата и вице-короля итальянскаго.

Само собой разумѣется, что только гулъ выстрѣловъ и передвиженія войскъ могли представить лишь слабый призракъ боя и дать понятіе о характерѣ мѣстности, гдѣ дралась русская армія въ 1812 г.

Самъ государь, оставаясь на возвышенномъ холмѣ, гдѣ стоялъ Наполеонъ во время боя, наблюдалъ издалека за всѣми дѣйствіями и движеніями войскъ. Всѣмъ извѣстно, съ какою страстностію и увлеченіемъ императоръ Николай I принималъ вообще участіе въ мирныхъ даже маневрахъ. Здѣсь же, на самомъ полѣ кроваваго боя, военное чувство невольно возбуждалось историческимъ для русскаго сердца воспоминаніемъ и потому, не довольствуясь одной обороной, какъ было въ 1812 г., дано было государемъ приказаніе перейти въ общее наступленіе. Для этого 6-й пѣхотный корпусъ быстрымъ движеніемъ впередъ занялъ вновь покинутыя укрѣпленія и часть лѣса, между тѣмъ какъ войска 2-го пѣх. корпуса, лично веденныя фельдмаршаломъ Паскевичемъ,

овладѣли высотой, гдѣ сооруженъ памятникъ и, перейдя въ бродъ рѣчку Колочу, вступили въ с. Бородино.

Въ то же время главная часть кавалеріи, со всѣмъ драгунскимъ корпусомъ, была собрана на правомъ флангѣ за рѣчкой Колочей, образуя массу, значительно превосходящую ту, которую вели Уваровъ и Платовъ въ 1812 г. Государь лично руководилъ дѣйствіями этихъ войскъ и послѣ быстраго общаго движенія по направленію къ рѣчкѣ Войнѣ перевелъ въ бродъ чрезъ эту рѣчку весь драгунскій корпусъ, который былъ немедленно спѣшенъ для овладѣнія лѣсомъ въ тылу с. Бородина, и затѣмъ вновь посаженный на коней появился на Смоленскомъ шоссе, на пути предполагаемаго отступленія непріятеля.

Это фланговое кавалерійское движеніе было, дѣйствительно, красиво и въ отличномъ порядкѣ выполнено. Имъ завершились дѣйствія, и государь, со всей окружающей его свитой остановясь на шоссе, приказалъ собрать къ себѣ всѣхъ главныхъ начальниковъ. Въ присутствіи ихъ, дѣлая различныя замѣчанія, его величество между прочимъ сказалъ, обратясь къ Ермолову, графу Толю и другимъ сподвижникамъ Кутузова въ 1812 году:

— „Не находите-ли вы, что если бы фельдмаршалъ Кутузовъ дѣйствовалъ такъ, какъ мы сегодня, то послѣдствія сраженія были бы иныя?“

Общее молчаніе было отвѣтомъ на слова государя, хотя по выраженію вопрошенныхъ лицъ легко было угадать ихъ отрицательное мнѣніе. Изъ окружающей же толпы въ свитѣ государя послышался одинъ голосъ, довольно внятно произнесшій:

— Да государь забываетъ, что сегодня не было ни ядеръ, ни пуль и главное, что не было противъ него Наполеона.

Правда эта вырвалась изъ устъ генерала Давыдова [1]), стоявшаго вдалекѣ и не думавшаго, конечно, быть услышаннымъ государемъ. Было-ли это такъ—не знаю, но вслѣдъ засимъ императоръ сошелъ съ лошади и, потребовавъ коляску, возвратился въ лагерь.

Изъ описанныхъ дѣйствій и особенно словъ, произнесенныхъ государемъ, нельзя не видѣть нѣкоторой доли увлеченія, но, съ другой стороны, справедливость требуетъ признать, что приказа-

---

[1]) Родного брата извѣстнаго партизана и поэта. А. В.

ніе, отданное войскамъ перейти отъ обороны въ наступленіе, имѣло хорошую и полезную сторону въ томъ, что, возвышая духъ въ войскахъ, оно вселяло въ нихъ увѣренность въ непобѣдимости.

31-го августа 1839 г. былъ послѣдній общій смотръ всѣмъ собраннымъ войскамъ при с. Бородинѣ. Они были построены на лѣвомъ берегу рѣки Москвы, противъ дер. Рахмановой, на ровномъ, большомъ лугѣ, безвозмездно уступленномъ помѣщицей Килческой-Друцкой.

Государь, не доѣзжая до мѣста смотра, остановился на высотахъ, составляющихъ нагорный берегъ рѣки. Здѣсь его величество принялъ рапортъ отъ главнокомандующаго дѣйствующей арміей князя Паскевича и въ то же время, по данному сигналу, всѣ войска сдѣлали на караулъ, при громкомъ неумолкаемомъ ура. Видъ стройныхъ рядовъ 120-ти тысячной арміи, освѣщенныхъ яркимъ солнцемъ, былъ въ полномъ смыслѣ слова великолѣпный, а примѣрный порядокъ и правильность въ движеніяхъ всѣхъ родовъ оружія вполнѣ удовлетворили желаніямъ Государя.

2-го сентября, послѣ новаго объѣзда всѣхъ лагерей, причемъ государь останавливался у каждой дивизіи и благодарилъ войска, его величество посѣтилъ женскую обитель Спасо-Богородицкаго монастыря, основаннаго вдовой ген.-м. Тучкова на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ погибъ геройской смертью ея мужъ, защищая укрѣпленія впереди дер. Семеновской, и на слѣдующій день отправился въ Москву, куда выступила уже часть войскъ для присутствованія при заложеніи храма Христа Спасителя.

Болѣзнь и утомленіе послѣ всѣхъ бородинскихъ трудовъ лишили меня возможности участвовать при этомъ событіи и потому на этихъ строкахъ кончаю мои воспоминанія.

III.

Въ заключеніе мнѣ остается добавить, что всѣ работы по устройству лагерей, различныя временныя сооруженія и другія мѣропріятія во время бородинскаго сбора обошлись въ нѣсколько милліоновъ рублей. Но неумѣстно было бы ставить въ упрекъ столь значительную издержку. Государь справедливо придавалъ высокое значеніе открытію памятника на Бородинскомъ полѣ и желалъ ознаменовать достойнымъ образомъ это отечественное,

родное для Россіи торжество. Здѣсь шло дѣло о славѣ и чести русской арміи и въ глазахъ государя это чувство превышало всѣ разсчеты. Любя отечество выше всего и твердо вѣря въ непоколебимую преданность войскъ, онъ стремился при всякомъ случаѣ одушевлять и возбуждать ихъ къ новымъ подвигамъ. Чувства эти краснорѣчиво выразились въ собственноручномъ высочайшемъ приказѣ, отданномъ въ день открытія бородинскаго памятника. Отличительной чертой государя былъ его доблестный, можно сказать, даже рыцарскій характеръ, который проявлялся при всѣхъ главныхъ событіяхъ его жизни. Начиная съ 14-го декабря и впослѣдствіи при укрощеніи бунта въ военныхъ поселеніяхъ, равно какъ и народныхъ волненіяхъ въ С.-Петербургѣ во время холеры,—вездѣ личныя, самоотверженныя дѣйствія императора Николая носятъ на себѣ этотъ отпечатокъ. Я могу, сверхъ того, представить еще одинъ случай, немногимъ извѣстный до сихъ поръ.

Въ 1854 году, когда на помощь турецкому султану явились французскія и англійскія войска, къ арміи нашей, перешедшей уже Дунай, отправился и самъ фельдмаршалъ князь Паскевичъ изъ Варшавы. Его замѣнилъ, въ качествѣ намѣстника и главнокомандующаго въ Царствѣ Польскомъ, графъ Ридигеръ. Политическое положеніе наше въ эту эпоху было самое критическое; противъ Россіи ополчилась почти вся Европа и даже съ Австріей, столь много обязанной государю за оказанную ей помощь во время венгерскаго возстанія, ожидали со дня на день окончательнаго разрыва. За отдѣленіемъ главныхъ военныхъ силъ въ Крымъ и на югъ имперіи, въ Царствѣ Польскомъ оставался всего въ это время одинъ только корпусъ войскъ. Для подкрѣпленія обороны этого края, какъ ближайшаго театра дѣйствій въ случаѣ войны противъ Австріи, направленъ былъ сначала гренадерскій корпусъ, а подъ конецъ и вся гвардія изъ Петербурга, составлявшая послѣдній надежный резервъ. Въ эти трудные для государя дни, онъ писалъ собственноручно графу Ридигеру и въ одномъ изъ писемъ, давая наставленіе, какъ дѣйствовать, если бы крайность обстоятельствъ вынудила къ отступленію изъ Царства Польскаго, помѣщены были государемъ слѣдующія знаменательныя строки:

Если Богу угодно будетъ ниспослать на меня и это испытаніе, я съ твердостію покорюсь Его святой волѣ.

Тогда соберу я все, что останется подъ рукой, двинусь къ вамъ на соединеніе и отражу врага или сложу голову вмѣстѣ съ вами.

Письмо это было въ моихъ рукахъ [1]) и я имѣлъ даже копію съ него, къ сожалѣнію утерянную впослѣдствіи, но подлинникъ долженъ храниться въ бумагахъ покойнаго графа Ридигера и я счелъ не излишнимъ упомянуть о немъ, какъ о новомъ свидѣтельствѣ высокихъ, доблестныхъ чувствъ императора Николая въ самыя тяжелыя минуты его царствованія

А. И. В.

---

[1]) Весь 1854 г. и часть 1855 г. состоялъ я въ должности генералъ-квартирмейстера арміи, собранной въ Царствѣ Польскомъ. А. В.